

Пухлые баоцзы с тофу и мясным фаршем наконец были готовы. Начинки положили щедро, поэтому тесто получилось тонким. Поверхность булочек даже слегка пропиталась мясным соком с тофу и блестела маслом - уже от одного вида хотелось есть.

Сюн Цзиньчжоу выбрал для Нин Гуйчжу самые красивые, а себе наоборот, отложил те, где тесто немного лопнуло. Поставив чашки на стол, он подошёл и сказал:

— Чжу-гер, идём есть. Эти дела потом закончишь.

— Хорошо, сейчас.

Нин Гуйчжу торопливо сделал последние стежки, закрепил нитку и убрал всё в короб для шитья. Только он освободил место, как перед ним уже поставили чашку с баоцзы. Рядом была чашка воды. Сюн Цзиньчжоу сел рядом:

— Самое время. Уже не такие горячие.

Нин Гуйчжу с улыбкой посмотрел на него и беспомощно покачал головой. Он взял верхний баоцзы:

— Это ведь было делом на две минуты. В следующий раз не жди меня с едой.

— Угу.

Сюн Цзиньчжоу ответил, но так и не сказал, согласен он или нет. А этого молчания было более чем достаточно, чтобы Нин Гуйчжу понял его настрой, и выражение его лица стало ещё более беспомощно-тёплым.

Сюн Цзиньчжоу откусил баоцзы и поспешил подтолкнуть:

— Очень вкусно! Чжу-гер, попробуй скорее.

Тесто получилось мягким, начинка - нежной. Тофу впитал мясной сок, и в одном укусе смешивались соевый аромат, насыщенный вкус свинины и свежесть зелёного лука.

Нин Гуйчжу, глядя на его выражение лица, тоже почувствовал, как разыгрался аппетит. Он поднёс баоцзы ближе и откусил. Тонкая оболочка лопнула, выпуская густой аромат начинки. Очень вкусно.

На этот раз он уже не сдерживался и откусил сразу большой кусок. Тонкое тесто и сочная начинка вместе были просто великолепны. Всего получилось пятнадцать крупных баоцзы.

После четырёх Нин Гуйчжу уже начал наедаться. Он сидел с недоеденным баоцзы в руках и жалобно посмотрел на Сюн Цзиньчжоу.

Тот на мгновение замер, затем протянул руку:

— Давай мне.

Глаза Нин Гуйчжу сразу превратились в два улыбающихся полумесяца. Он послушно отдал баоцзы, поднялся, налил им по чашке воды и вернулся к столу, с улыбкой наблюдая, как Сюн Цзиньчжоу доедает его булочку.

Ел Сюн Цзиньчжоу всегда большими кусками, быстро прожёвывая и сразу проглатывая. Во время еды он никогда не отвлекался и не суетился, а с его красивым, открытым лицом за этим было просто приятно наблюдать. Почувствовав на себе взгляд Нин Гуйчжу, он поднял глаза - в них читалось лёгкое недоумение. Нин Гуйчжу моргнул, покачал головой, показывая, что всё в порядке, и продолжил смотреть.

Сюн Цзиньчжоу: «...»

Ну что ж, его супруг - пусть смотрит. Можно даже ещё подольше.

Сюн Цзиньчжоу доел ещё два баоцзы и тоже наелся. Он взял у Нин Гуйчжу платок, вытер рот и руки и спросил:

— Оставшиеся в шкаф убрать или взять в уезд на обед?

— Мм...

Нин Гуйчжу заглянул в котёл - там оставалось ещё пять баоцзы. Взять их с собой было можно...

Но...

— Баоцзы с тофу, когда остынут, уже не такие вкусные. Может, лучше отнести отцу с матерью? Хотя пять штук делить неудобно... как думаешь, можно отдать?

— Если хочешь, отдадим, — Сюн Цзиньчжоу поднялся. — А уж как они там поделят, не наше дело.

Нин Гуйчжу подумал и согласился. Взял чистую чашку и сложил туда оставшиеся баоцзы. Сюн Цзиньчжоу тем временем собрал посуду и мыльные бобы, поставил всё в котёл и начал мыть посуду горячей водой, оставшейся после приготовления.

Увидев это, Нин Гуйчжу отодвинул чашку с баоцзы и взял лежащий рядом платок:

— Платок я сам стираю.

— Угу, — Сюн Цзиньчжоу лишь мельком взглянул, когда тот уже выходил наружу, и заодно плеснул в котёл немного холодной воды из ведра, чтобы разбавить кипяток.

Нин Гуйчжу выстирал платок и повесил его сушиться на оконную раму, затем вернулся с закатанными рукавами:

— Цзиньчжоу, оставь одну грязную чашку - я приготовлю что-нибудь Маньтоу и Давану с Эрцаем.

— Я уже покормил их утром, — ответил Сюн Цзиньчжоу. — Ты лучше отдохни немного. Я тут закончу и поедем в уезд.

— А, хорошо.

Нин Гуйчжу опустил рукава, огляделся, взял коробку для рукоделия и отнёс его в спальню. Когда он вышел обратно, как раз увидел, как два щенка проскользнули во двор. Он тут же с улыбкой присел и только раскрыл руки, как оба, один за другим, подбежали и начали тереться о него со всех сторон, даже слизав с его пальцев капли воды после стирки платка.

На лице Нин Гуйчжу появилось беспомощное выражение. Он взял обеих собак за морды:

— Грязнули вы ужасные. Кто знает, что вы там на улице ели, а теперь ещё и руки мне лижете.

Лишённые возможности облизывать, щенки недовольно заскулили, замотали головами, вырвались и тут же снова принялись за своё. Нин Гуйчжу со смехом позволил им ещё немного полизать руки, а когда они потеряли интерес, вытер ладони прямо об их шерсть и, не обращая внимания на возмущённое твяканье за спиной, направился к навесу для мула.

Маньтоу как раз доедал грубый паровой хлебец. Услышав шум, он высунул голову из стойла, длинные уши дёрнулись. Подойдя ближе и увидев, что солому он уже съел, Нин Гуйчжу открыл дверь:

— Иди прогуляйся немного. Скоро поедем в уезд.

Понял ли мул - неизвестно, но хвостом он довольно махнул и неспешно вышел во двор, лениво бродя вокруг. С хлебцами он становился удивительно покладистым. Нин Гуйчжу ещё немного понаблюдал за ним, потом зашёл к птице и заглянул в огород.

Неизвестно, как именно старались трое детей, но улиток в огороде становилось всё меньше и меньше, а молодая зелень росла красивой и крепкой. Уже можно было представить, каким станет огород позже.

Вернувшись на кухню, он сказал:

— Цзиньбо, Чуаньшуй и Иньин правда очень старательные. Может, сегодня привезём им что-нибудь в награду?

Сюн Цзиньчжоу даже не обернулся:

— Мы же только вчера дали им засахаренные ягоды. Подождём пару дней - невестка не любит, когда дети слишком много сладостей едят.

— А? — удивился Нин Гуйчжу. — Почему?

В современном мире детям запрещают сладкое, чтобы зубы не портили и еду нормально ели. Но у деревенских детей в этом мире вроде и так нет такого изобилия.

Сюн Цзиньчжоу поставил вымытые чашки, начал выливать воду из котла и пояснил:

— Боятся, что разбалуются. Если ребёнок привыкнет только вкусное есть, потом ради еды и воровать может начать.

— Они же хорошие, — не удержался Нин Гуйчжу, вступаясь за детей. — И вообще, чем строже запрещать, тем сильнее им этого хочется.

Сюн Цзиньчжоу, закончив с котлом, повернулся, увидел его выражение и с улыбкой подошёл ближе. Быстро поцеловал в губы и тихо сказал:

— Им же не запрещают совсем. Просто не каждый день. Если давать постоянно, перестанут ценить.

Нин Гуйчжу от его улыбки и поцелуя сразу смягчился и вынужден был признать - в этом есть смысл. Они ведь не богачи. В деревне того времени даже редкая сладость раз в несколько дней уже считалась роскошью. В детстве и сам Нин Гуйчжу мог месяцами раздумывать, прежде чем купить себе дешёвую острую закуску за пять мао.

Закончив дела и заперев двери, они вывели Маньтоу и, прежде чем щенки успели выскочить следом, быстро закрыли калитку. По дороге они ненадолго заехали к семье Сюн. Сюн Цзиньчжоу занёс ещё тёплые баоцзы, перекинулся с домашними парой слов и почти сразу выбежал обратно. Подойдя к Нин Гуйчжу, он взял поводья Маньтоу, и они, разговаривая,

неспешно направились к уездному управлению.

Вышли они достаточно рано - до начала службы оставалось ещё немало времени.

Сюн Цзиньчжоу ещё немного постоял у дверей школы рядом с Нин Гуйчжу и ушёл в уездное управление только тогда, когда учеников стало уже много.

Но, видимо, за вчерашние мысли о слишком спокойной жизни пришлось расплачиваться. Едва он вошёл в управу, как получил задание - расклеивать объявления. Причём у их уездного судьи Чэня «расклеить объявления» вовсе не означало прикрепить пару листков в людных местах города. Нужно было обойти не только весь уезд, но и все деревни и посёлки вокруг. И мало повесить - требовалось ещё и стоять рядом, читая текст вслух по десять раз, чтобы большинство людей точно поняли содержание.

Сюн Цзиньчжоу быстро прикинул, сколько мест ему придётся обойти, затем - сколько на это уйдёт времени, и не удержался от вздоха:

— Два-три дня домой не попаду...

Остальные: «...»

Раньше они как-то не замечали, чтобы их начальник был таким уж домашним человеком.

Самого Сюн Цзиньчжоу чужое мнение совершенно не волновало. Он уже думал о том, как сказать об этом Чжу-геру, когда в дверях появился помощник Лу. Пришлось собраться и внимательно слушать.

Текст указа был таким:

«Супружество - основа человеческих отношений, и ценность его в уважении. До нас дошли слухи о жестоких людях, избивающих и унижающих своих супругов, попирая гармонию семьи... Повелеваем местным властям: если супруг избивает или оскорбляет другого... пострадавшему дозволяется обратиться с жалобой. Если вина подтверждена, виновного наказать сорока ударами палок и принудительно развести. Приданое и имущество вернуть пострадавшему полностью. Если же причинён тяжкий вред, наказание ужесточить, вплоть до ссылки за две тысячи ли...»

Сначала Лу-чжубу зачитал официальный текст, затем трижды пересказал его простыми словами для неграмотных приставов и только потом спросил:

— Запомнили?

Стоило ему это сказать, как ещё недавно перешёптывавшиеся приставы дружно вытянулись и громко ответили:

— Нет!

Лу-чжубу: «...»

Не запомнили и ещё так гордо это выкрикнули?

Сюн Цзиньчжоу, стоявший в углу, тут же выпрямился:

— Я запомнил. Пойду тогда, мне ещё Чжу-гера предупредить надо.

Все вокруг сразу уставились на него с удивлением, будто не ожидали, что он так быстро всё понял. Сюн Цзиньчжоу даже не моргнул. Проходя мимо Лу-чжубу, он прихватил один свёрнутый лист с объявлением и спокойно вышел.

Лу-чжубу только через пару секунд понял, что произошло, и рассмеялся от злости. Обернувшись к остальным, он холодно усмехнулся:

— Хватит пялиться. У него дома супруг объяснит, а у вас, бездельников, такого нет.

Приставы: «...»

Им и так предстояло получить выговор, а тут ещё и такое напоминание...

В школе.

Нин Гуйчжу сидел впереди, подперев подбородок рукой, и наблюдал, как ученики ткут. К этому времени основные ошибки они уже разбирали бессчётное количество раз. Даже если кто-то снова сбивался, то чаще всего мог сам исправиться. Так что учителю теперь редко приходилось вмешиваться.

«Надо было взять с собой коробку для рукоделия... хоть время бы убивал», — подумал он.

И тут у двери тихо постучали.

Нин Гуйчжу повернул голову и, увидев Сюн Цзиньчжоу, удивлённо моргнул. Он быстро

взглянул на учеников, убедился, что те увлечены работой, и тихонько вышел наружу, уводя Сюн Цзиньчжоу подальше от окон.

— Ты чего сейчас пришёл?

Сюн Цзиньчжоу помахал перед ним свёрнутым указом и с улыбкой сказал:

— Новый указ от двора. Лу-чжубу терпением не отличается, так что я пришёл за подмогой.

Нин Гуйчжу беспомощно рассмеялся:

— Надо было просто внимательнее слушать.

— Я бы и рад слушать внимательно, — вздохнул Сюн Цзиньчжоу, — но как тут усидишь спокойно, когда мне на два-три дня уезжать?

Нин Гуйчжу замер:

— Почему так надолго?

Сюн Цзиньчжоу опустил взгляд на стоящего перед ним супруга и спокойно объяснил:

— Есть совсем глухие деревни и посёлки. Некоторые люди годами в уезд не выбирают, да и характер у них тяжёлый. Мне нужно будет с людьми пройти по всем местам и убедиться, что приказ действительно дошёл до всех.

Нин Гуйчжу нахмурился:

— Это не опасно?

Ведь, как говорится, «в бедных горах и воды злые, и люди суровые» - в древности хватало и несчастных бедняков, и тех, кто не признавал никаких законов.

— Не переживай, — Сюн Цзиньчжоу сразу попытался его успокоить. — Все деревни и посёлки вокруг я уже знаю. Ничего опасного там нет. Ты же помнишь, сколько я народу переловил? Некоторые до сих пор меня боятся.

Нин Гуйчжу: «...»

Как ни странно, то самое раздражающее уважение-страх окружающих сейчас действительно

немного успокоило его. Тревога слегка улеглась, но он всё равно не удержался:

— Даже так нельзя расслабляться. Ты ведь не знаешь, что у людей на уме. А вдруг кто-то решит: раз ты такой страшный, лучше избавиться от тебя раз и навсегда?

Сюн Цзиньчжоу мягко сжал его щёку:

— Ну всё, всё. Я буду осторожен.

Какие бы слова он ни говорил, тревога всё равно бы осталась. Поэтому он просто перевёл разговор:

— Лучше объясни мне этот указ, ладно? Когда Лу-чжубу его зачитывал, я почти не слушал. Понял только, что это новый закон... вроде про супругов.

Нин Гуйчжу задумался:

— Подожди.

Он вернулся в класс, что-то тихо сказал ученикам у двери и вскоре снова вышел. На этот раз он сам взял Сюн Цзиньчжоу за руку:

— Пойдём к каменному столу.

— Угу.

Сюн Цзиньчжоу пошёл за ним, совершенно не обращая внимания на украдкой брошенные взгляды.

Развернув свиток, Нин Гуйчжу сначала внимательно прочитал текст дважды. Письменность этого времени мало отличалась от древнекитайской, а благодаря памяти прежнего хозяина тела он легко читал и писал. Только вот длинные официальные тексты всё ещё разбирал медленнее. К счастью, в этом указе не было сложных оборотов или редких иероглифов.

Прочитав всё, он немного подумал над формулировками и начал пересказывать простыми словами:

— Император считает, что муж и жена или супруги должны жить в мире. Но до него дошли слухи, что некоторые после свадьбы избивают и унижают своих партнёров, поэтому был издан приказ...

В указе подробно расписывались наказания, но Нин Гуйчжу сначала объяснил саму мысль императора, а затем уже перешёл к сути наказаний.

Хотя Сюн Цзиньчжоу не умел читать, память у него была хорошая. После объяснений Нин Гуйчжу он почти полностью пересказал указ своими словами, а затем ответил ещё на несколько уточняющих вопросов. Убедившись, что тот всё запомнил, Нин Гуйчжу вернул ему свиток.

— Ну, этого должно хватить. Когда выезжаешь? — спросил он.

— Самое позднее в полдень, — ответил Сюн Цзиньчжоу. Он даже не посмотрел на указ, лишь накрыл ладонями руку Нин Гуйчжу. — Пока меня не будет, не вставай так рано. Выходи только когда совсем рассветёт, лучше вместе с телегой. В уезде просто покупай что-нибудь поесть. И обратно тоже возвращайся с кем-нибудь, не один. Когда будешь отдыхать днём, обязательно запирай двери и окна, сам следи за временем...

Он всё говорил и говорил. Словно уезжал не на два-три дня, а на несколько лет. Но Нин Гуйчжу совсем не раздражался. Он спокойно слушал, иногда тихо отвечал, а когда Сюн Цзиньчжоу наконец замолчал, лишь сказал:

— Перед отъездом зайди домой и возьми пять лян с собой. Если можно решить дело деньгами - решай деньгами. Не лезь на рожон.

— Угу. Не переживай. Не полезу, — искренне пообещал Сюн Цзиньчжоу.

Они ещё немного посидели молча друг напротив друга, а потом всё же Сюн Цзиньчжоу первым поднялся.

Нин Гуйчжу обнял его:

— Возвращайся поскорее.

Когда Сюн Цзиньчжоу вернулся в уездное управление, брошенные им приставы только-только закончили мучительно заучивать указ. Увидев, как он спокойно возвращается, они посмотрели на него ещё более обиженно.

Сюн Цзиньчжоу сделал вид, что ничего не замечает:

— Всё готово? Разбиваемся как раньше и выходим?

— Выходим! — буркнули приставы. Как бы ни ворчали, работать они умели быстро.

Вскоре почти все разошлись по группам. Остались лишь пятеро, ожидая указаний Сюн Цзиньчжоу. Тот немного подумал:

— Нам ехать дальше остальных. Сначала зайдите домой предупредить. Через полчаса встречаемся у городских ворот. Кто не придёт в течение одной чжусян - остаётся. Есть вопросы?

— Нет!

Последняя группа тоже разошлась, и в управе снова стало тихо.

Полдень пришёл почти незаметно. Когда Нин Гуйчжу подошёл к воротам управы, ему показалось, что здесь в разы тише обычного.

— Господин Сюй-фулан, — стражник у ворот заметил его и приветливо окликнул. — Начальник уехал в посёлки. Если что понадобится, зовите нас, поможем.

— Хорошо, — Нин Гуйчжу на мгновение замер, поблагодарил и через боковые ворота вошёл внутрь.

Обычно самым шумным местом были комнаты приставов, но сейчас большую часть людей отправили по деревням, и даже кухня казалась непривычно пустой.

Повар, разливавший еду, увидел Нин Гуйчжу и с улыбкой окликнул:

— Сегодня каша и мясо с перцем. Как обычно по одной порции? И, может, оставить вам воду после мытья котла?

От такого привычного тона Нин Гуйчжу слегка растерялся:

— Оставить?

— Ну да, — кивнул повар. — У господина Сюна ведь две собаки. Вы теперь дома один, не всегда же будете готовить им отдельно. Забрать немного воды после котла - самое то для корма.

— А... да, точно, — Нин Гуйчжу наконец понял и кивнул. — Тогда, пожалуйста, оставьте немного. Я потом найду, во что налить.

— Да не надо искать. Бамбуковая трубка господина Сюна тут лежит.

Повар указал на шкаф сбоку. Нин Гуйчжу посмотрел - там действительно стояла бамбуковая

ёмкость длиной примерно с полруки. Он снова поблагодарил, взял еду и, вместо того чтобы идти в комнату, сел поесть в углу кухни.

Это был первый раз, когда он ел здесь один. Люди, заходившие по очереди, то и дело украдкой на него поглядывали. Когда взглядов стало слишком много, Нин Гуйчжу не выдержал и сам поднял глаза, но поймать, кто именно смотрит, так и не смог. Только беспомощно поджал губы и стал есть быстрее.

Быстро доев, он вымыл чашку, палочки и платок, вернул всё на место, взял у повара бамбуковую трубку, ещё раз поблагодарил и только после этого отправился в комнату для отдыха.

Закрыв дверь и окно, он поставил трубку и платок на стол у окна, сел и медленно выпил немного воды из чайника. Вдруг рядом стало непривычно пусто.

Утолив жажду, Нин Гуйчжу снял шпильку, длинный халат, лёг на кровать, завернулся в одеяло и лениво зевнул. Пока лежал, ему казалось, что без Сюн Цзиньчжоу рядом он, наверное, не уснёт. Но стоило голове коснуться подушки, и привычка взяла своё: он почти сразу провалился в сон.

Спал крепко, поэтому и проснулся рано. Когда Нин Гуйчжу открыл окно, до начала занятий оставалось ещё почти полчаса. Он посмотрел на яркое солнце за окном, положил подбородок на стол и лениво моргнул - двигаться пока совершенно не хотелось.

Время медленно тянулось, пока не настал момент, когда уже нельзя было медлить. Тогда Нин Гуйчжу поднялся, вышел из управы и направился к учебному залу.

А в это время...

Увидев впереди чайную лавку у дороги, Сюн Цзиньчжоу придержал коня и спросил:

— Хотите передохнуть?

— Хотим, хотим! — хором откликнулись остальные.

Никто не понимал, что сегодня нашло на их начальника: едва они выехали, он гнал их вперёд без остановки, будто ещё немного, и сам начнёт хлестать лошадей кнутом.

— Слабаки, — фыркнул Сюн Цзиньчжоу, но всё же остановился у чайной.

Такие чайные обычно держали местные крестьяне. За годы работы они привыкли к разным людям, поэтому при виде вооружённых приставов хозяйка не испугалась и, как обычных

гостей, приветливо спросила:

— Господа, чай или просто воды? Может, лепёшек?

— Тётушка Ван, есть холодный чай? Если есть, давай холодный. И по две лепёшки каждому. Лошадям тоже воды налей, — первым отозвался один из приставов.

— Есть-есть, сейчас принесу!

Увидев знакомых, хозяйка сразу стала ещё приветливее.

Остывший чай горчил больше обычного, но после долгой дороги под солнцем именно он казался самым освежающим. Сюн Цзиньчжоу наблюдал, как хозяйка тащит два ведра воды к лошадям, и постепенно его взгляд стал рассеянным.

Наверное, в это время Чжу-гер уже в классе... Интересно, хорошо ли он отдохнул днём? И нормально ли поел?

<http://bllate.org/book/14958/1636277>